

Новые онтологии как симптом межвременья

А. Бадью призывает нас понять поэму, т. е. искусство, в качестве одной из родовых процедур истины [1, с. 15–16], т. е. в качестве нити, связывающей человека с бытием. Нити, посредством которой человек может уловить голос бытия. Голос, который не обманывает. Собственно говоря, именно о таком схватывании истины бытия через искусство нам говорят сами поэты: «О чем писать? На то не наша воля» Н. Рубцова [6, с. 185] пересекается с голосом И. Бродского: «Поэт всегда знает, что то, что в просторечии именуется голосом Музы, есть на самом деле диктат языка; что не язык является его инструментом, а он — средством языка к продолжению своего существования» [4, с. 14–15]. И разве не об этом же нам говорил вечно находившийся в попытке целостно постичь бытие М. Хайдеггер, указывавший, что «язык есть дом бытия» [7]. С точки зрения А. Бадью, искусство, вернее момент столкновения человека с искусством, момент образования связки человек — поэма, становится Событием, запускающим (часто незримо, *a posteriori*) глобальные изменения [2, с. 56] и приводящим к возникновению субъективности [Там же, с. 94–95].

Итак, искусство есть голос бытия, форма объявления истины о себе. Ключевым здесь является слово «форма». Сегодня мы развращены (в хорошем, сократовском, смысле этого слова) З. Фрейдом и научены им пристальному вниманию к формам, научены подозрению к любому человеческому высказыванию, какими бы символами оно ни было реализовано. С легкой руки Фрейда нам интересно не только содержание высказывания, но и его форма, подвергающаяся рассмотрению в качестве симптома: того, что

Ярослав Владимирович Мальцев, ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет» (г. Тюмень, Россия).

свидетельствует о самом себе [5, с. 19]. При таком взгляде, что есть искусство, как не форма-симптом? И о чем нам может говорить искусство, кроме как о нас самих, о соотношении нас и мира? И если мы признали искусство голосом бытия, то о каких онтологических процессах свидетельствует нам искусство?

Безусловно, искусство призывает нас мыслить мир как множественность: множественность форм, высказываний, практик, существований, взаимодействий. Бесконечная множественность *роящихся* форм бытия, схватываемых делезиански. Форм бытия, взаимодействующих друг с другом посредством лакановского взгляда, когда обоудный взгляд есть то, что соединяет точки по разные стороны восприятия. Однако о чем может говорить подобная множественность форм искусства, ворвавшаяся в XX век? Одним из предполагаемых ответов тут может выступить вариант: мы переживаем период, обозначаемый З. Бауманом понятием *interregnum*, «межвластие», «междущарствие» [3] – период слома эпох, период обострения диалектики модерна (как стабилизации культуры) и постмодерна (как извечного подрыва культуры), период межвременья (межцивилизации), характеризуемый поиском новых форм цивилизации и чрезвычайной демократизацией этого поиска. Итак, предметом анализа должен оказаться феномен современного искусства как симптом межцивилизационной эпохи, затрагивающий некоторые уточнения к нашему пониманию цивилизации, культуры, модерна и постмодерна.

Примечания

1. Бадью А. Манифест философии. СПб., 2003.
2. Бадью А. Философия и событие. Беседы с кратким введением в философию Алена Бадью. М., 2013.
3. Бауман З. Текущая модерность: взгляд из 2011 года. URL: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/> (дата обращения: 24.03.2021).
4. Бродский И. Сочинения : в 4 т. Т. 1. СПб., 1992.
5. Жижек С. Возвышенный Объект Идеологии. М., 1999.
6. Рубцов Н. Стихотворения (1953–1971). М., 1977.
7. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 314.